

ВОСКРЕСНЫЕ ЧТЕНИЯ

Встречи ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВЕ

Наш собеседник — писатель **Георгий ГУЛИА**

— Георгий Дмитриевич, ваши книги удивляют широтой интересов и увлечений — Древний Египет и Эллада, Омар Хайям и Михаил Лермонтов... Каждое новое произведение — это как бы литературное путешествие во времени и пространстве. Расскажите, пожалуйста, как вы приходите к новой теме, как осваиваете и изучаете материал?

— Верно, если просмотреть мои книги — они написаны о разном. То есть тематика их не ограничена определенной географической площадью — будь она большая или маленькая. Я как бы перескакиваю с одного места на другое и даже более того — из одной эпохи в другую. Например, Древний Египет («Фараон Эхнатон») и средневековая Норвегия («Викинг»), Иран («Сказание об Омаре Хайяме»), Древний Рим («Сулла»), рассказы «Белая ночь» (север России), «Алолы Алолы Алолы» (средняя полоса России) и повесть «Скуча уютная» (Абхазия).

Могу сказать одно: на какой бы земле я ни находился и в какой бы эпохе ни пребывал, меня интересует главное — человек. Прежде всего! А точнее — человек и его время. Для этого надо всего-навсего хорошо знать психологию человека и эпоху, в которую он живет. И то, и другое достигается изучением различных материалов и знакомством со страной, ее историей и материальной культурой. Надо непременно подышать воздухом той страны, о которой пишешь (пусть даже исторический роман).

Главное в том, чтобы проникнуть в душу человека отдаленной эпохи, вообразить себя на его месте. Надо суметь «сыграть» много ролей — по числу действующих лиц. Чтобы написать роман о Перикле («Человек из Афин»), мало было съездить в Грецию, «пощупать» Парфенон, надо было обратиться к греческой философии, научному мышлению, военному искусству тех лет, перечесть заново Гомера и античных драматургов и т. д. Словом, точное знание эпохи надо соединить с воображением и все время видеть себя в окружении людей того времени.

Здесь я говорю о собственном опыте. Другие, возможно, поступают иначе. Единого рецепта не существует.

— Известно, что ваше «Литературное путешествие» началось с ваших родных мест — солнечной Абхазии, с «Весны в Сакене». Чем они обогащают ваше творчество сегодня?

— Моя колыбель — Абхазия. Она у меня всегда перед глазами. Где бы я ни был. Что это значит? У нее богатое историче-

ское прошлое, в свое время были тесные связи с Древней Грецией, Древним Римом, Востоком, Византией. Это дает мне возможность кое-что сверять и проверять. Не в смысле непосредственных фактов, а скорее сопоставляя и мелкие, и крупные факты. Это не просто объяснить — своего рода проверка «на себе». Это относится и к современным рассказам и повестям. Например, когда писалась «Весна в Сакене», я из тысячи моих знакомых «отобрал» всего два-три десятка. Когда ты встречаешь нового человека, невольно задаешься вопросом: «Чем он похож на такого-то твоего знакомого?» или «Чем он не похож?». Ответы на такие вопросы значительно облегчают твою работу. Повторяю: не надо все это понимать буквально, прямолинейно.

— Ваша семья, ваш отчий дом, сама монументальная фигура вашего отца, основоположника абхазской письменной литературы Дмитрия Иосифовича Гулиа, несомненно, сыграли важную роль в вашем формировании как писателя. Ваша книга об отце является данью сыновней любви к замечательному человеку. Что бы вы могли сказать об этом нашим читателям?

— Когда я говорю: моя колыбель — Абхазия, требуется одно уточнение. Абхазия началась с нашей семьи — семьи поэта и ученого Дмитрия Гулиа, моего отца. Я об этом в свое время подробно рассказал в книге «Повесть о моем отце», изданной в серии «Жизнь замечательных людей». Он не тянул меня за уши в литературу. Напротив, «отдал» в институт путей сообщения, и я стал инженером. Это расширило мой кругозор в сторону техники, без чего, на мой взгляд, сегодня не может обойтись ни один серьезный литератор. Таким образом, моя семья и Абхазия — это нечто слитное для меня. У нас дома бывали многие виднейшие деятели нашей многонациональной культуры, я рано стал уважать и полюбить культуру других народов.

— Так получилось, что ваши родные места — Гульрипш, Агудзера, Пицунда притягивают к себе все больше мастеров нашей литературы и искусства. Расскажите о нескольких наиболее интересных встречах.

— Эти встречи с разными людьми и их культурами не прерываются. В Москве, Агудзере, Гульрипше, Пицунде я вижу с литераторами, художниками, историками, филологами, археологами. Разговоры с ними дают огромную пищу для ума. Многие годы я встречался в Агудзере с Константином Симоновым. Сю-

да наезжал Александр Твардовский. Долгие беседы соединяют нас с абхазскими поэтами Баграмом Шинкуба, Иваном Тарба и другими писателями. Очень люблю слушать рассказы абхазских крестьян. Не очень понимаю иных литераторов — затворников: я пишу «на людях», телефон звенит непрерывно, откликаюсь на каждый звонок. Иначе не могу.

— Теперь вы чувствуете себя коренным москвичом. Чем стала Москва в вашей судьбе как писателя и человека?

— В моем переезде из Абхазии в Москву «повинен» Константин Симонов. Он прочитал в Сухуми рукопись «Весны в Сакене» и быстро, буквально в очередном номере «Нового мира», напечатал ее. А позже, когда он был назначен главным редактором «Литературной газеты», предложил войти в редакционную коллегию. И я стал москвичом. А что такое Москва для нашей культуры, в частности литературы, хорошо известно. В Москве литератору приходится держать очень строгий экзамен: она многое дает, но и многого требует.

В Москве были задуманы почти все мои самые известные книги, здесь проходили они апробацию. Не получилось — пеняй только на себя. Так всегда было в литературе, так оно и будет. Лично я за более чем тридцатилетнее пребывание в Москве ни на минуту не прерывал работу в «Литературной газете». Нагрузка? Да. Но не только. Газета держит тебя все время в напряжении, не дает утихать пульсу, ритму. Мне никогда не мешало сочетание журналистики с литературной работой. Скорее наоборот. Но и это опять-таки дело характера.

Приехав в Москву, я написал повесть «Добрый город». Прошло много лет со дня ее опубликования в «Новом мире». Смысл этой повести таков: Москва — город добрый, но требовательный. Так я думал тогда. Такого же мнения я и теперь. Особое значение приобретает Москва, как столица многонациональной литературы. Здесь переводятся на русский язык лучшие произведения литератур братских народов. После этого они делаются достоянием и мировой культуры.

Литература — дело сложное. Иногда кажется, что она не поддается точному определению, тем более прогнозированию. Однако, можно сказать с полной уверенностью, что достижения советской литературы будут множиться с каждым годом. Гарантией этому служат внимание к ней нашего народа и нашей партии.

Беседу вела
М. МАРКОВА.